

**Александр
Петров**

**Дочь
генерала**

Александр Петров

Дочь генерала

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300715

Дочь генерала:

Аннотация

Наташа, красивая и чистая сердцем, но неверующая в Бога дочь генерала знакомится с православным поэтом Сергеем. В душах обоих молодых людей зарождается глубокое и прекрасное чувство, и кажется, что будущее их безоблачно, но кто знает, какие испытания суждено пройти молодой чете, для того, чтобы собрать своё сокровище на небесах...

Содержание

1. Чудаки	4
...И тут вошла она	4
Вечер поэзии	21
Золотая роза	34
В защиту абсурда	43
Борис: из южных воспоминаний	60
Отъезд с наездом	64
Василий: два брата	72
Шерше ля фам	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Петров

Дочь генерала

1. Чудаки

*Или беги, удаляясь от людей,
или шути с людьми и миром,
делая из себя юродивого*
Краткий патерик, гл.8 сл.2

...И тут вошла она

История эта началась в те времена, о которых принято вспоминать с традиционной ностальгией. Или позже?.. Не важно. Не стоит искать здесь конкретные события и знакомых людей, потому что все это могло произойти в любое другое время и с другими людьми.

В те годы неженатые мужчины искали себе возлюбленных строго противоположного пола. Так было принято. И большинство соискателей узнавало на собственном опыте, какова пропасть между идеалом и реальным человеком, даже если это цветущая девушка. И тогда они шли по стопам Виктора Франкенштейна, создавая собственный гомункулус: «если бы к глазкам Машеньки да прибавить носик Милочки, да

вливать разум Сонечки, да отшлифовать элегантностью Ирочки, да отполировать обаянием Оленьки, да вставить в оправу скромности Верочки...» О том, что получается в результате таких экспериментов, можно прочесть в одноименном романе миссис Шелли.

А теперь внимание! Именно такая идеальная девушка – без порока и изъяна – вошла в настешь распахнутые двери студии. Шатенка и вся в чем-то таком невесомо-светлом, изысканно-скромном. В светло-карих глазах сияли янтарные огоньки. Едва заметная застенчивая улыбка обдавала окружающих лучистым теплом. Скажете, таких не бывает? Уверю: были, есть и будут! Правда, только с первого взгляда... До второго, третьего и так далее мы еще дойдем, и что нас ожидает за тем поворотом, не знает никто.

Итак, девушка замерла в нерешительности, слегка прищурила выразительные глаза и медленно обвела взором просторное помещение с тремя бородачками, занимавшими каждый свой сектор.

– Ой, к кому это? – икнул Вася, румяный курносый толстяк, расплываясь в улыбке, в которой принимало участие не только лицо, но и вся верхняя часть тела.

– Не волнуйся, не к тебе, – успокоил его спортивный брюнет Боря, пружинисто поднявшись навстречу незнакомке.

Однако девушка, удостоив его лишь мимолетным взглядом, продолжила поиск.

– Вы само совершенство! – воскликнул Боря, приглажи-

вая франтоватую эспаньолку и пузыри на рыжих вельветовых брюках.

– Мне это уже говорили, – рассеянно кивнула незнакомка, не возражая против целования своей ручки окаменевшими мужскими губами. – А где Сергей?

– Вон тот анемичный мачо, – указал подбородком Борис в дальний угол, – и есть его останки.

Девушка подошла к сидящему в глубоком кресле мужчине, закрытому большим глянцевым журналом, и в легком поклоне нависла над ним.

– Простите, не могли бы вы проявить уважение к бедной девушке? – смущенно пропищала она тонким голоском, в котором звучала просьба, ирония и самооправдание. Вообще-то при желании там можно было услышать гораздо больше: все-таки ситуация нештатная, и все оказались в смущении.

– Еще чего!.. – хрустнул журналом тот, кто использовал его в качестве щита. Впрочем, не вполне удачно: щит не мог скрыть бордовых пятен, выступавших на руках и обнаженных щиколотках.

– Вчера вечером вы показались мне более учтивым.

– Это... Я был... того... в исступлении, – последовал ответ, причем ноги в стоптанных шлепанцах заходили ходунном.

– Исступление – это когда душа исступает, то есть выходит, из тела и живет отдельно, по своим душевным зако-

нам, – пояснил Борис, старательно напоминая о своем присутствии.

– Спасибо, я в курсе, – вежливо кивнула девушка. Потом сокрушенно обратилась к Сергею: – Мне лучше уйти?

Василий, и тем более Борис, молча, но красноречиво возмутились такой постановке вопроса, вращая глазами и размахивая руками у нее за спиной. Только девушка не обращала на них внимания, а видела лишь того, кто упорно сидел за укрытием и выдерживал динамичную паузу в двенадцать тактов.

– А вы это... Чего приходили-то? – раздалось, наконец, из-за журнала. Шлепанцы замерли.

– Да вы сами пригласили меня вчера. Вот я и пришла... – снова пискнула она. Наконец, решительно выдохнула последний аргумент: – Я и пельмени принесла, как вы просили. Сама лепила!

– Тогда другое дело! – ожил Сергей и отложил журнал. А трое присутствующих увидели изможденно-пятнистое, но весьма привлекательное лицо с мешками под голубыми глазами в обрамлении светло-русых растрепанных кудрей.

Друзьям Сергея было известно то, что девушке узнать еще только предстоит. Ходить на поэтические вечера входило в его обязанность, но не нравилось. Дня за два до объявленного вечера он становился раздражительным, волновался и не находил себе места. За несколько часов до выхода пятнистый румянец покрывал его бледные скулы, а глубоко вва-

лившиеся глаза возбужденно сверкали голубыми молниями. На вечере он мог просидеть в темном углу, мрачно цепенея от окружающего буйства, или, наоборот, впадал в неистовство, привлекая к себе слишком много внимания. По большей части, конечно, дамского... Домой приходил усталым, подавленно молчал и падал на кровать. Утром становился тихим, как сытая кошка. Впрочем, как раз именно сытости ему в то утро и не хватало. Друзья, занятые делами, как всегда позабыли о завтраке. Сергей же утопал в кресле, внутренне переживал вчерашнее, не смотря на требовательное урчание поэтических недр.

Пока наш голодный поэт знакомит гостью с устройством кухни, пока готовится завтрак, нелишне описать дорогому читателю то помещение, где все это происходит.

Жили трое друзей в студии уже несколько лет, притом, что у каждого имелась своя жилплощадь. Просто здесь им было удобнее. Может потому, что тут в эфире пространства непрестанно витала некая тонкая неуловимая субстанция, которая в быту называется «духом творчества». И если у кого-нибудь случался кризис, остальные подзаряжали усталого друга вдохновенным трудом. Этому способствовало и то, что каждый имел собственное призвание: Борис писал прозу, Василий был художником, а Сергей – поэтом. В этих стенах им легко писалось, думалось и дружилось.

Помещение принадлежало Валентину – такому же чудаку, только состоятельному. Откуда у хозяина деньги, никто не

спрашивал, чтобы ненароком не потерять к нему уважения. Самым замечательным его качеством было то, что он не работал на износ, не «делал деньги», а жил как бы играючи, занимаясь тем, что ему нравилось. Пожалуй, больше всего его интересовал человек во всех проявлениях. Особенно люди неординарные, творческие и те самые, которые «не от мира сего». Он почти ничего не рассказывал о своей деятельности, никогда не сетовал на трудности, будто их не существовало. Впрочем, кое-что из той жизни, которую проводил Валентин за пределами студии, иной раз перепадало и жильцам. Например, он обладал большими связями и знакомствами, поэтому без труда, между прочими делами, продавал их произведения, щедро выплачивая гонорары.

Раньше это сооружение было гаражом на шесть автомобилей и принадлежало серьезному ведомству. Потом государство усомнилось в его серьезности, руководство все это присвоило и продало Валентину за небольшие деньги, в диковинной тогда валюте. Новый хозяин переоборудовал гараж под частную картинную галерею. Он обходил друзей и убедительно говорил:

– Может, уже хватит, в конце-то концов подчиняться чинушам от искусства!

– Конечно, – соглашались непризнанные гении, – сколько можно! Совсем уже!..

– Может, пора встать с колен и во весь голос заявить о своем праве на свободу творчества!

– Безусловно, – кивали те, – заявим и еще как! Нам только давай!

– Тогда готовьте свои шедевры, господа! Скоро у вас будет свой манеж!

– Уже несем, – восклицали те и бросались к пыльным запасникам.

От прежней галереи остались передвижные перегородки в гармошку, просторные балконы второго яруса, туалет с душевыми кабинами и даже небольшая кухня со стойкой бара. Стены имели апельсиновый цвет, потолок – бирюзовый, оконные витражи – светло-зеленый, что создавало иллюзию постоянного присутствия здесь солнца. Потом Валентин галерею перенес в центр города, здесь отгородил треть помещения под склад компьютеров, а остальную часть отдал друзьям, которые иногда работали грузчиками и постоянно – сторожами. Студия находилась в странном районе, где вперемежку стояли жилые дома с магазинами, небольшие заводы, научные институты, парки со скверами и даже имелась набережная, откуда порой доносились крики чаек и корабельные гудки.

Однако, завтрак приготовлен, и друзья сошлись в небольшой столовой. Сначала они молча встали, склонили головы, потом Василий нараспев прочитал «Отче наш» и перекрестил блюда. При этом мужчины стали необычно серьезны, а девушка искоса смотрела на них, медленно неуверенно крестясь. Но вот все расселись по высоким стульям за стойкой

бара и разом улыбнулись. Наташа – так представилась гостья – решительно встала с рюмкой в руке и обратилась к Сергею:

– Сергей, можно я скажу тост?

– Нет, конечно. Нельзя. Первым обязан говорить мужчина: так принято, – мягко улыбнулся Сергей, обнаруживая способность связно говорить.

Девушка безропотно села. Дочь военного, она с раннего детства привыкла к тому, что есть дисциплина, есть подчинение старшему – и это залог победы, необходимость, которая не обсуждается. Сергей с удовлетворением заметил это несомненное достоинство девушки и продолжил:

– Я предлагаю пригубить бокалы этого ароматного напитка за успехи в нашем труде. – Все дружно опрокинули рюмки и громко крякнули. После чего Сергей сказал: – А теперь, когда выдержан протокол, послушаем, что накипело в девичьей душе.

Девушка встала и обвела застолье взглядом, который охладил Бориса, согрел Василия и обдал жаром Сергея.

– Уважаемые друзья! Дорогой Сергей! Вчера я нашла то, что искала много лет. О, это такая драгоценность! Я-то уж думала, что это утеряно навсегда, но оказывается есть. Это – искренность!.. Нет, даже так: высокая искренность!

– Точно я вчера был не в себе, – проворчал тостуемый, дергаясь конечностями.

– Вот-вот! Эта его скромность только подтверждает мою правоту. (Сергей опрокинул бокал и разлил содержимое.)

Простите, я сейчас закончу мысль. (Поэт поймал вилкой пельмень, но тот упал на стол по пути к открытому рту.) Ребята, вы не представляете, какой человек живет рядом с нами. Как он читал! (Раздался мученический утробный стон.) Пел, ревел, как лев; парил в высоте! (Со звоном на пол упала вилка и весело зазвенела.) За вас, Сергей! За ваши стихи! Спасибо вам!

– Во-первых, давай на «ты». Что мы как французы какие... – Сергей вытирал салфеткой стол и пойманную вилку. – А во-вторых, ну ты... вообще!..

– О, великий! – воскликнул Борис, выпучив глаза. – Позволь коснуться краешка твоего нимба.

– А я согласен, – буркнул Василий, выпятив для убедительности нижнюю губу. – Сергей по праву заслужил признание. Наташенька вполне права, и «нести лести в глаголах ей», как говорили древние. За тебя, брат! Любо!

– Ну, ладно, – кивнул Борис, сурово махнув рукой, – коль пошла такая пьянка... Присоединяюсь и я к хору славословия, хоть знаю наперед, что мы нашему другу оказываем медвежью услугу. Но ничего! Он крепкий парень, авось выживет. Seriously, Серега, ты молодец и... всяких тебе благ и успехов в нашем многострадальном труде! Многая лета твоему таланту и его доброму носителю! Ура!

Наташа разругалась и захлопала в ладоши. Теперь она всех троих опалаляла горячим взором янтарных глаз.

– Тогда и я... – встал смущенный Сергей, сильно оттяги-

вая мочку левого уха, и без того свекольного цвета. – Чего уж там... это...

– «Как все гении пера, он был косноязычен», – вставил Борис цитату, ловко закидывая в рот самый крупный пельмень.

– Это... – продолжил Сергей, вцепившись пятерней в шелюру, рискуя выдрать солидный клочок волос. – Короче, Наташа... Тут... вчера... там... был резонанс. Это когда частоты их совпадают и бах – вспышка! В общем, если тебе удалось уловить это... Наташа, ты настоящая. Ты тоже... и всё такое.

– Перевожу, – вставил Борис. – Мэтр имел в виду: если бы в тебе, очаровательная наша гостья, так опрометчиво влюбившаяся не в меня, гениального прозаика...

– ...Про каких заек?.. – улыбнулась девушка.

– Нас не так просто сбить с толку, – тряхнул крупным лоснящимся лбом Борис. – Если бы ты, Наташа, как доложил выше предыдущий оратор, не имела бы искренности, то тебе не удалось бы разглядеть идентичную субстанцию в бездонной личности гения рифмы и виртуоза белого стиха – нашего друга Сереги.

– Я попрошу!.. – вскочила девушка, нахмутив брови.

– Так, сядь! – прикрикнул на даму Сергей, грохнув пятерней о стол. – Успокойся и послушай, – продолжил он, размахивая травмированной кистью и жмурясь от боли. – Наташа, у нас тут не принято хвалить и воздавать почести. Понима-

ешь? Это на самом деле смертельно опасно. Тебе, наверное, известно, что такое тщеславие? В среде творческих людей – это враг номер один. Помнишь фильм «Адвокат дьявола» с Аль Пачино в главной роли? Там в конце фильма дьявол говорит: «Определенно, тщеславие – мой самый любимый из грехов!» А как с ним сражаться? Смирением. Поэтому у нас тут больше приветствуются шутки, насмешки и прочее шутовство. Это смиряет, не дает уму возноситься, приземляет. Привыкай. И не вздумай обижаться на моих друзей. Поверь, каждый из них гораздо лучше меня.

– И это, товарищи, правда! – солидно подтвердил Борис.

– Наташенька, извини, насчет тщеславия действительно так. – Василий поднял на гостью умоляющий взгляд. – Прости нас, все мы тут немножко чудаки.

– На букву «че», – уточнил Борис, доедая за обе щеки салат оливье под всеобщее замешательство.

– ...Мне уйти? – спросила девушка у Сергея, сбитая с толку.

– Как хочешь, конечно, – небрежно пожал он плечами. – Но я бы на твоём месте не спешил. Посиди. Расслабься. Мы сейчас что-нибудь придумаем.

– А я попрошу Наташеньку мне попозировать, – сказал Василий, улыбаясь, как китайский мандарин. – Раз уж такая лепота под нашу крышу заглянула!

– Надеюсь, в одежде? – протянула девушка настороженно.

– Я бы на этом не настаивал, – задумчиво протянул Бо-

рис. – В конце концов, здоровый эротизм, как составная часть великой любви, никогда не мешал вдохновению.

– По-моему, девушка эротична и в одежде, – возразил Василий.

– А мне бы хотелось побольше простого созерцания за счет небезопасного воображения.

– Обойдешься, – решил, подумав, Василий. Потом обернулся к девушке: – Не обращай внимания. Это просто мысли вслух. Вон там у нас гардероб, где одежды навалом, на любой вкус. Можешь выбрать, чего пожелаешь. Как говорит один наш добрый знакомый: «честному вору все в пору». А мы пока тебе трон установим.

Они с Сергеем выдвинули на центр задрапированный багровым крепом пьедестал и взгромоздили на него вольтеровское резное кресло. Василий повернул мольберт и укрепил на нем грунтованный холст. Сергей придвинул свое глубокое кресло, открыл блокнот и сунул в карман авторучку. Борис разложил Васин этюдник, выдвинул телескопические ножки и установил на нем ноутбук. Друзья приготовились к сеансу и стоя ожидали появления из-за перегородки модели.

...И она появилась. Девушка надела темно-синее вечернее платье до пола с открытыми плечами, распустила шелковистые волосы по нежным перекатам плеч. Опущенные глаза прикрывали длинные пушистые ресницы. Под восторженное молчание мужчин она плавной походкой подошла к возвышению. Забытым жестом дамы, сающейся в карету, обеими

руками слегка подобрала подол, взошла на ступень и царственно расположилась на троне.

– Вот это да-а-а, – выдохнули мужчины и заняли рабочие места.

– Так и сиди! – вскричал Василий, схватил лист ватмана и толстый карандаш.

С полчаса они втроем лихорадочно работали. Василий один за другим сделал три карандашных наброска, затем принялся наносить тонкие линии углем прямо на холст. Борис часто щелкал по клавиатуре компьютера, изредка поглядывая на девушку. Сергей подолгу смотрел на нее затуманенным взором, шептал одними губами, потом будто очнувшись, покрывал чернильными строчками листы блокнота. Наташа терпеливо сидела, стараясь не шевелиться. Через полчаса румянец покинул ее щеки. Еще через десять минут модель начала едва заметно ерзать. К концу первого часа – тихонько поскуливать. В ее некогда восторженном взгляде, устремленном на Сергея, появилась мольба, а гладкое лицо прорезали страдальческие морщинки.

– Можешь немного отдохнуть и размяться, – позволил, наконец, портретист, удовлетворенно разглядывая карандашный эскиз.

Девушка соскочила с пьедестала и, повизгивая от счастья, закружила по студии. Сначала она приблизилась к Сергею, но тот захлопнул блокнот, встал и занялся приседаниями. Потом она в ритме вальса пронеслась мимо писателя, кото-

рый не отрываясь от клавиатуры, завершал длинную замысловатую фразу. И, наконец, остановилась у мольберта, слегка подпрыгивая. Она обвела пальчиком контур фигуры и сказала:

– Маэстро, а маэстро, ты мне льстишь. Я ношу сорок шестой размер одежды, а ты, Васенька, размахнулся на пятьдесят второй.

– Будем считать, что этот портрет на вырост, – улыбнулся Василий. – Видишь ли, в настоящее время мои картины покупают шведы и финны. А «горячие скандинавские парни» желают видеть русских женщин такими... сочными, мясистыми и поджаристыми.

– Ну, что ж, приятного им аппетита! – иронично вздохнула модель. – Значит, мой прообраз уедет на берега Балтики? Жаль.

– Ничего, ничего! Пусть нашей красоты займут, коль своя в дефиците. Кстати, высокий процент красивых женщин свидетельствует о высоком потенциале нации. Когда красавицы иссякнут, нация вырождается. Или наоборот?.. У нас в этом плане все нормально. Вот, помню, в шестидесятые годы одна красавица на миллион случится, и то радовались. А теперь – о-го-го! – каждая десятая загляденье, а каждая сотая – просто богиня! Значит, еще поживем! Да ты не волнуйся, Наташенька, я могу и для тебя портрет написать... сорок шестого, натурального размера.

– Наташ, ты не расскажешь нам о себе, – подал голос Сер-

гей. – Это помогло бы в создании образа.

– Ой, было бы о чем рассказывать! – воскликнула она. – Я обычная папина дочка, единственная и любимая.

– ... Милая и веселая, – добавил Василий.

– ... Капризная и избалованная, – продолжил Борис.

– А вот и нет, – улыбнулась она. – Отец у меня товарищ строгий, и воспитывал меня сурово. Времени свободного у меня почти не было. Зато я успела позаниматься гимнастикой, теннисом, верховой ездой и плаванием. Еще меня заставляли много читать, зубрить языки, слагать стихи, вести дневник и учиться без троек.

– А молчать?..

– Могу неделями!..

– А водку пить?..

– Вообще-то не очень... Но, если родина прикажет – то конечно!

– А это... как его...

– Нет, нет. Этого нельзя. Я девушка воспитанная и папу слушаюсь.

– Молодец!

– Да я знаю... – вздохнула она и села в глубокое кресло Сергея. Несколько раз подпрыгнула, проверяя мягкость. – Кому только всё это надо?

– Нам! – рявкнули Василий с Борисом.

– Правда? Вы такие милые... А тебе, Сережа?

– И мне, конечно... – едва заметно улыбнулся тот. – Зря,

что ли старалась и мучилась? Столько же трудов!

– А мы еще увидимся?

– Конечно, приходи. Видишь, ты здесь пришлась ко двору... студии.

Вздохнув, девушка забралась обратно на подиум. Мужчины заняли рабочие места. Через полчаса, проведенные в молчании сторон, Борис спросил:

– А какими, Наташа, мы тебе показались?

– Василий – добрый, ты, Борис, – девушка, а Сережа – гений.

– Гм-гм! – возмутился поэт.

– Все правильно, – подтвердил художник.

Снова наступило молчание. Наташа замерла, стараясь не шевелиться, но видимо что-то ее сильно заинтересовало. Она вздохнула, как перед прыжком и спросила:

– А что вы разглядели во мне?

– Весну человечества, – сказал Василий.

– Вихрь светлых образов! – добавил Борис.

– Отражение совершенной красоты будущего века, – глухо откликнулся поэт. – Божественной красоты... Я верю, что в будущем веке все люди будут идеально прекрасны.

Наташе эти трое нравились все больше. «Как это похоже на мои мысли, – думала она. – С одной стороны, они, конечно, растяпы и смахивают на шалунов, которые не спешат взрослеть... Хотя это только внешне. С другой стороны, им тоже хочется сохранить в душе самое лучшее, что было в

детстве: ежедневные открытия красоты и... Чистоту? Мечту? Они каждый по-разному определяют это, но все равно похоже. А я-то... Какая ответственность, оказывается, лежит на мне! Самое лучшее, что есть во мне, увидят другие. Их, может, будет тысячи, сотни тысяч... О, Боже, помоги мне!»

Вечер поэзии

...И тут произошло нечто! В большие оконные витражи дохнул сильный ветер. Рамы выгнулись, едва сдерживая мощный порыв упругого воздуха.

– Пойдемте наружу! – воскликнул Сергей, стряхнув шлепанцы. – Сейчас что-то будет!

Они выскочили на улицу. Здесь от земли до небес вихрем носились сорванные листья, обрывки бумаги и клубы серой пыли. Гудели натянутые тетивой провода. Бесстрашные ласточки совершали бреющие полеты у самого асфальта, резко взмывая ввысь и теряясь в клубящейся черноте. Их возбужденный свист тонул в рычании ветра. На горизонте сверкнули зарницы, и только через секунды раздались сухие громовые выстрелы. На востоке небо еще сверкало покойной синевой, а с запада несло толстые бурые тучи, неотвратимо накрывающие город.

Первые теплые капли тяжело упали на серый асфальт. Потом на миг все замерло... Сильно запахло мокрой пылью. Длинная борода под черной тучей достигла места, где стояли наши герои – и сильные струи небесной воды плеснули на разогретую жаром землю. Мужчины с девушкой стояли под козырьком входа, но мелкая дождевая пыль и брызги от асфальта доносили и до них сырую свежесть. Вдруг совсем рядом сверкнула ослепительная молния, и сразу оглушитель-

ный грохот сотряс все вокруг.

Дождь мерно зашелестел по листьям и траве, по черному асфальту и бордовым крышам. С востока блеснул последний луч солнца – и широкая радуга на секунды ласково обняла все вокруг: от умытой земли до грозных клубящихся туч.

Первым выскочил из укрытия поэт и запрыгал вокруг клумбы, размахивая руками. Вторым – Борис, подставив лицо с открытым ртом под струи дождя. Василий перед прыжком в воду обернулся к модели и удивленно спросил:

– Чего медлишь, прекрасное дитя ужасного века?

– Так, дядь Вась, на мне реквизит, – чуть не плача пожаловалась девушка. – Казенный!..

– Ерунда. Забудь. Дождь важней!

Взяв девушку за руку, художник деловито вступил под дождь, словно это был теплый утренний душ. Наташа же издавала все звуки, на которые способна девичья гортань, разумеется, на предельной громкости... От басовитого паровозного гудка до ультразвуковых флейтовых трелей.

...За парным чаем с липовым медом и ванильными сухарями они сидели в махровых халатах до пят. На голове девушки белела чалма из скрученного полотенца. Румяное лицо без следов косметики сияло яблочной свежестью. Голос после активной вокальной тренировки стал звонким и мелодичным.

– Столько переживаний всего за несколько часов, – пропела она контральто, – это здорово!

– Друзья, – сказал поэт, – это знак свыше: Наташа сюда пришла – ой, неспроста. Что-то будет.

– Сереж, а что ты написал? Можно послушать?

– Не жмись, гений, – встрял Борис, – облистай народ поэзой.

– И правда, Сереж, побалууй нас, – кивнул Вася и занял место у нового белого холста, невесть когда поставленного взамен прежнего с эскизом «скандинавским, мясистым».

Сергей встал и профессионально побледнел. Затем потянулся сперва рукой, а потом всем телом куда-то вправо-вверх. Его чуть хриловатый осмелевший голос взлетел туда же, отражаясь от апельсиновых стен упругим эхом. Поэт сразу изменился, стал ничьим, сильно вырос, а за его спиной словно выпростались мощные крылья. Он пел и стонал, внезапно переходил на шепот – и вновь взрывался раскатистым громом. То вдруг замолкал, устанавливая тишину, в которой громко стучали сердца, а кровь шумно струилась по жилам, – то снова обрушивался мощным приливом, будто океанская пеннистая волна...

«...тридцать Первая любовь»

*Посвящается Галине,
которая в 18 лет
вышла замуж за нищего
инвалида-художника*

Мне говорили старые друзья:
«И что нашел ты в этой мышке серой?»
А я молчал, и сам не понимал,
Что вышел за обычные пределы.

Я изучил телесную «любовь»
И был циничным, грубым и липучим.
Но сердца лёд не растопил огонь,
Зажженный Эросом, животным и дремучим.

И вот явилось это существо!
...Нечеловечески тиха и световидна,
Как бабочка прозрачна и невинна,
Как море неохватно глубоко.

Как многое впитало и несло
Такое хрупкое телесное создание!
И треснуло, расселось мироздание,
А сердце потеплело, ожило.

О, сколько сладких мук я пережил,
Ночей бессонных испытал круженье
Пока сумел озвучить предложение,
Пока ответ обратно получил.

Она была тиха и простодушна,
Стояла близко – руку протяни.
Но, лишь касаясь ступнями земли,

Парила в иномирности воздушной.

Встречались наши руки и глаза
И опускались, будто от ожога.
Я знал, что ты робка и недотрога —
– в себе такого не подозревал.

Ты освещала и преображала,
Все, чего рука твоя касалась.
Воздухом твоим легко дышалось,
И вокруг тебя жила весна.

Когда мы были вместе, всё вокруг
Живое, гибкое – тянуло к нам ладони
И солнце выходило из заслона,
И ночью звезды завершали круг.

Мы проживали день за целый год,
Неслись недели, обгоняя свет.
Минута, замирая, длилась век.
И знали мы, что это ненадолго.

... Она меня тогда впервые обняла,
прижалась так, как будто умирала,
и плакала, и руки целовала.
Все объяснила и... к нему ушла.

А я кричал ей вслед!
А я вздыхал ей вслед.

А я шептал ей вслед:
«Хоть сердце и болит,
Прости, любимая,
что я
...не инвалид!...»

– Только, чтобы написать такой стих, стоило родиться, – прошептала девушка, в полной тишине.

– О, несчастная! – прогудел Борис, но взглянув на Наташу, спешно пояснил: – ...Девушка та, что к Васькиному коллеге ушла. Уходить, так к прозаику! Красивому и подающему надежды...

– Сережа, это автобиографично? – спросил Василий, шмыгнув носом и промокая рукавом глаза.

– О чем вы! Бросьте препарировать тайну! – взревел чей-то голос, и все резко оглянулись. В дверях, опершись плечом на дверной косяк, стоял высокий блондин в элегантном белом костюме с мужественным загорелым лицом.

– Валентин! Брат! – хором закричали сожители.

– Вот решил соскучиться. Заглянул на огонек, и кажется не зря. Серега, если бы это для тебя что-нибудь значило, – сказал Валентин, шагая к поэту, раскрыв объятая, – я бы тебе белый «мерс» подарил за эти вирши.

– Если поэту машина не нужна, могу я получить, – заботливо предложил Борис.

– А теперь что-нибудь эдакое, родное! – сказал Валентин. – Чтобы душу согрело!

– Вот это я, Валь, тебе написал. Называется «Разговор с другом» – поэт опустил голову и задумчиво, немного нараспев прочитал:

Вино густое, как кровь, как эта июльская ночь, пью
сегодня с тобою
На теплом камне, где прежде сидели вдвоем и подолгу
молчали.

С тобою и только с тобой мне спокойно молчалось всегда.
Зачем ты меня не учил жить без тебя и молчать без тебя?

Славка! Не бойся, слышишь, друг, я не забуду тебя.
Обещаю.
В своей непутевой, пьяной жизни пустой не забуду тебя
никогда.

В чаду и безумном кружении дней не забуду тебя
никогда,
Потому что нет у меня никого и не было ничего. Ты один!
Вот так...

Так как ты, умела смотреть на меня только мать, пока я
не вырос.
Из глаз твоих лучилось тепло, тепло, которое так
согревало.

А ты шаркал рядом со мной, припадая на ногу с
осколком,

А ты сидел и молчал, – и тепло разливалось в душе.

Ты отдавал мне последние деньги и жил непонятно на что,

Ты не спрашивал о долгах никогда и прощал, забывая.

Ты протягивал книги, хорошие книги, и тихо шептал:
прочти.

Диктовал ты мне письма друзьям и отцу: им будет приятно, пиши.

Вино пряное, как слезы, пью и на небо смотрю,
И звезды – ты их любил – стекают по скулам и бьют по груди.

Славка! Почему твое сердце оказалось слабым таким?
Ведь оно столько лет терпело ложь мою и боль от предательств моих.

А теперь... как мне жить без тебя, когда не с кем молчать?

И кто меня будет прощать, если я не прощаю себя?

И кто, не ожидая взамен ничего, будет смотреть на меня
Глазами, из которых струится тепло и светлая боль?

И что теперь мне это вино без тебя, холодный гранит и
могильный холм?

Зачем прихожу я сюда, как побитый и брошенный пес?

И как я забуду тебя, Славка, забуду твой взгляд,
Когда прожигает он сердце мое до самого адского дна?

Это ты? Мне стало тепло и спокойно. Это ведь ты?
Ты пришел успокоить того, кто тебя предавал?

Ты вернулся простить того, кто тебя убивал?
Это ты. Я узнал. Мне стало легко. Это ты. Славка,
прости!..

– О, эта баллада, Валентинище, не то что на «мерс», на «ламборджини» потянет, – пробасил Борис. – Я как и прежде готов получить его вместо брата!

– Умоляю, перепиши! – не обращая внимания на прозаическое вымогательство, сказал хозяин, крепко обнимая смущенного Сергея. – Вручную... Чтоб типа факсимиле! Когда разорюсь, я за него целое состояние выручу. Глядишь, до конца дней себя обеспечу.

– И не надейся, – успокоил его Сергей, – не разоришься.

– В этом-то вся и трагедия, – согласно кивнул Валентин. – Вдохновение любит смиренных, а деньги – дерзких. Батюшки!.. Экая дивная принцесса под убогими сводами нашей пещеры.

Девушка, не отрывая восторженного взора от поэта, протянула кавалеру вялую ручку под поцелуй. Она снова не видела никого, кроме покрытого багровыми пятнами растре-

панного Сергея.

– Ах, как я понимаю эту чуткую девушку! – В замешательстве кашлянул хозяин, не привыкший к забвению своей персоны, и растерянно оглянулся. – Только Вася здесь еще работает, – проворчал он, подойдя к художнику.

Василий тонкими округлыми линиями выводил женский профиль. Его лицо, руки и бархатную толстовку нарядно покрывали пятна краски.

– Так. И здесь наша таинственная принцесса белой ночи. О, даже в двух вариантах: один для тела, другой для души. И это понятно. Ладно, пойду... в кабак и напьюсь, как самая грязная свинья.

– Что вы, не надо, – сказала девушка, с трудом отрываясь от созерцания поэта. – Если из-за меня, то не стоит. Хотите, я вас чаем вкусненьким угощу?

– Хочу, – кивнул Валентин, смягчив лицо. – У меня такое чувство, что мне с вами приходилось где-то встречаться. Как ни банально это звучит...

– Не удивительно, вы иногда заглядываете в кабинет моего папы.

– Ну вот же! – хлопнул он себя по лбу. – Так вы та самая Наташа? Ну да. Как тесен мир. Кажется я продолжаю сыпать банальности.

– Это ничего, – улыбнулась девушка по-матерински, протягивая ему чашку, – учитывая, что это правда.

– Кажется, я теперь понимаю моих добрых друзей, у кото-

рых так неподдельно сияют глаза. Кажется вы, Наташенька, подарили им день вдохновенья.

– Если это так, я только рада.

– Ну, ладно, с этими двумя парнями все ясно. А чем нас порадует любитель шикарной жизни и престижных авто? – спросил он, повернувшись к Борису.

– А вот, вашество-с, гражданин начальник, – сказал тот, в шутовском поклоне поднося ноутбук к глазам хозяина. – Эссе-с.

– Я с твоего позволения прочту вслух? – спросил он писателя. И, получив в ответ согласный кивок, стал медленно, чуть не по слогам читать:

«Ее прозрачные глаза, полные слез, неотрывно глядели на нищего. На его ветхое пыльное рубище, едва покрывающее серую наготу; на черные опухшие руки и одутловатое лицо с набрякшими щеками и редкой щетиной; на спутанные волосы, облепившие усохший, изрезанный шрамами череп. Тонкие девичьи тонкие пальцы лихорадочно перебирали внутренности кисейной сумочки в поисках хоть каких-то денег. Но, безуспешно! Тогда она сняла с себя манто из горносталя, положила к дырявым башмакам и, покачиваясь, ушла прочь. Ее худенькая спина под шелковым платьем сотрясалась от рыданий. Нищий удивленно смотрел на переливчатый мех манто и шепотом повторял: «Зачем так-то, барынька? Зачем так-то!...» До головокружения пахло свежей листвой. А высоко в небе собирались полчища лиловых туч».

– Как хорошо, – сказала Наташа, глядя на серьезного Бориса. – А что дальше?..

– А это, милая девушка, – сказал Валентин, – мы узнаем чуть позже. Нет, право же, какие орлы здесь собрались, а? «Богатыри! Не мы...» Так иногда хочется бросить все и посвятить остаток дней высокому искусству. Только... Не выйдет, – произнес он по слогам. – «Рожденный ползать...» и так далее и тому подобное... Но ценю! Всей душой, как могу – ценю, друзья, ваш дар. И обещаю помогать до последнего, так сказать, хрипа. А к своим словам, как сказала Багира из одноименного мультфильма «Маугли», я добавляю... – Он сказал в трубку сотового телефона «вноси» – я добавляю... – В дверях появился крупный человек в черном костюме с двумя сумками в руках. – Добавляю этого быка, только что задранного мною. Что стоишь, громаила? Расставь по полкам холодильника. А вообще-то это спецпаек для особо одаренных чудаков. Кушайте на здоровье!

– Ты, Валь, всегда думаешь нас, – констатировал Борис, как-то странно вывернув рекламный слоган.

За оливковыми стеклами витражей опускалась нежная летняя ночь. После молниеносного дождя заметно посвежело, и душистые воздушные волны закатывались в распахнутые настежь двери. Художник увлеченно водил по холсту длинной кистью, то приседая, то поднимаясь во весь рост. Он пыхтел и бурчал, напевал что-то под нос, то вдруг принимался громко сопеть. Писатель щелкал по клавишам ноут-

бука, прихлебывая чай, изредка брал амбарную книгу и записывал что-то для памяти карандашом.

Золотая роза

А в это время по липовой аллее шли поэт с девушкой и говорили, говорили...

– Сережа, признайся, белый костюм ты надел в мою честь?

– Увы! Просто... Знаешь, как говорится, женщине нечего надеть, когда кончается модное, а мужчине – когда кончается чистое. Мое последнее чистое намокло под дождем, а это из реквизита.

– Ну, почему ты меня все время осаживаешь, как наездник лошадь?

– А ты не бросайся в галоп...

– Ладно, не буду... Мне как, лучше рысцой?

– Иноходью... Нет – шагом!

– Сережа, ты любил кого-нибудь?

– А как же? У меня было где-то тридцать любовей. Каждая избранница клялась на крови, что она навечно.

– И почему же вы расставались?

– По простой причине: женщина отказывалась подчиняться мужчине. И даже наоборот, чуть ли не со второго свидания начинался процесс моего подчинения. Этого я, как мужчина, допустить не мог, в результате – «вечная любовь» растворялась и улетучивалась, как дым. А вообще-то я влюбчивый.

– Не заметно. А я впервые.

– Зря. Это так приятно. Особенно, когда нераздельно и безответно.

– А по-моему, это страшное мучение. Я этого боюсь.

– Тебе вообще в этой жизни ничего бояться не стоит.

– Правда? Почему?

– Потому что... Потому что у тебя есть всё: папа, ...мы...

– А ты?

– ...И я.

– Да?

– Ну, да...

– Хорошо. Это очень хорошо. Ах, как хорошо!

– Гм-гм! – прозвучало ударом хлыста по голенищу.

– Вернуться к шагу?

– Да, если можно.

– Слушай, а чего ты так боишься?

– Это не страх. Это – опыт. Что резво начинается, то быстро кончается.

– Значит, ты не хочешь, чтобы кончилось?

– Нет. Мне вообще нравится, когда только начинается и не кончается никогда.

– И мне тоже.

– Тогда все нормально. Мы пришли к полному кон... консоль... консенсусу!

– И что дальше?

– Мне стихи писать, тебе – слушать и оценивать. Ну, там, ежели пельмешки или еще чего из салатов – тоже не лишнее.

– Ах ты... купец-молодец!

– Да вот.

– «Суров ты был. Ты в молодые годы учил рассудку страсти подчинять. Учил ты жить...»

– Стоп! Там дальше галиматья. Не стоит ее повторять.

– Счастье и свобода по-твоему галиматья?

– В их понимании – да!

– А есть другое? Не их?..

– Есть.

– Ты меня познакомишь?

– Обязательно. А сейчас опять – шагом... Медленно, спокойно, тихо, ...легко. Вот как эта процессия, – указал он на дорогу.

Они шли вдоль газона с длинной цветочной клумбой. По ярко освещенной розовым светом дороге медленно ехала поливочная машина. Перед ней невысокий, но очень серьезный работник в желтой спецовке тянул шланг. Прямо на ходу, у очередной клумбы, из шланга начинала брызгать вода, вздымая вокруг мелкие брызги с густым цветочным ароматом. Со стороны выглядело так, будто погонщик ведет за хобот огромного механического слона. Почему так поздно? Видимо, им не хватило дня и вечера. А может, их наказали за какую провинность и заставили работать сверхурочно... Как бы там ни было, желтый мужичок со шлангом и поливочная машина делали свое дело серьезно, с чувством собственной значимости и глубоким осознанием производственной необ-

ходимости.

– Сережа, – попросила девушка, – прочти что-нибудь для меня, а? Ну, как ты читал для Валентина.

– Ладно, – иронично улыбнулся тот. – Сама напросилась... Помнишь, на вечере ты сидела за столом с каким-то меланхоличным мужиком?

– Да это был Стасик, друг детства! Ну, что мне на ночь глядя одной что ли в собрания ходить? Да и кто меня отпустит?.. Зато, как услышала тебя, для меня весь мир перестал существовать...

– Однако, между твоим воркованием с другом детства и моим выступлением я успел написать вот что... Называется «Пророчество любви»:

Задарю тебя розами до ветра в кармане,
Заговорю историями до отупенья,
Закружу по аллеям цветущего парка,
Зацелую в подъезде до боли в венах.

Я не дам опомниться тебе до ЗАГСа,
Ты очнешься от вихря уже в роддоме,
И закружит пеленками новый танец
В полубессонном материнском полоне.

Потом я от тебя запью, загуляю,
Влюбляясь в раскованных и красивых,
А ты проплачешь мне: «Я тебя прощаю.
Только ты не бросай нас, ...любимый».

Ты будешь в тот миг такой беззащитной,
вероломно обманутой – куда уж дальше!
Я почувствую себя подлым бандитом
И полюблю тебя как никогда раньше.

Неверность мою вернешь ты сторицей,
Застарелую обиду сжигая изменой.
И уже моё прощение прольет водицу
На шипящий огонь нашей геенны.

И тогда ты от нежности вся истаешь,
Упадешь в мои объятия мягкой глиной...
...Но сейчас ты этого ничего не знаешь —
ты сидишь напротив с другим мужчиной.

– Ничего себе, перспектива! – схватилась девушка за голову. – Надеюсь, это лишь образ?

– Кто знает, кто знает?.. – загадочно улыбнулся поэт. Может быть, ему вспомнились слова Цветаевой, сказанные Ахматовой: «Разве вы не знали, что в стихах все сбывается?»...

В это время в ночном небе творилось нечто необыкновенное. Казалось, что свет восхода солнца, льющийся с восточной стороны, изгоняет западные сумерки. По небу мощными ураганными завихрениями носились огромные потоки света. Звезды остались только самые крупные. Далеко на горизонте прозрачным шлейфом прошел дождь. Закрученные спиралью перистые облака переливались богатейшей гаммой ро-

зовых и сиреневатых оттенков. Невидимые птицы сотрясали душистый воздух вибрациями свистящих переливов. Сергей поднял руку к небу и полушепотом прочел:

Сгоревший летний день погас,
Остыл, окажиною сумерек покрыт.
Лишь облаков малиновый пегас
Крылом усталым над рекой парит.

Эфиром сладким усыпят цветы,
Слеза молитвы боль обид залечит,
Всё исцеляет нежность темноты,
Пушистым пледом укрывая плечи.

Лишь звездный ветерок вздохнет,
Вдали прошепчет дождик колыбельный –
– как золотом червонным полыхнёт
Восхода алый парус корабельный.

И пелену вчерашнего дождя –
– и завтрашней зари лучи,
Мостом сверкающим соединяя,
Горит в полнеба – радуга в ночи!..

– Сколько воспоминаний поднимается в душе! – Прошептал поэт. – Какой сладкой болью сжимает сердце. Гм... Прости...

– Что ты!.. Так здорово. Сережа, если можно, расскажи о

своей первой любви, – попросила Наташа.

– Ладно, попробую, – сказал он, запустив пятерню в кудри. – Прости, если немного тебя разочарую, в этой истории есть нечто такое... – Сергей замялся, подыскивая слова, – слишком земное... в общем, она с ювелирным оттенком.

– С ювелирным? – спросила девушка, напрягшись. Она будто погрузилась в себя, что-то напряженно вспоминая. – Я внимательно слушаю, говори, пожалуйста.

– Случилось это, когда я учился в школе. У нас был литературный кружок, который вел настоящий писатель, родитель нашего сверстника. Помнится, мы как-то проходили «Золотую розу» Паустовского. Если помнишь, там есть рассказ о старом мусорщике. Убираясь в ювелирных мастерских, он собрал в мешок мусор, включавший золотую пыль. Он провеял ее и собрал золото. Заказал ювелиру золотую розу, чтобы подарить возлюбленной – дочери своего погибшего командира. Он верил, что эта роза принесет ей настоящую любовь.

– Я помню эту историю, – едва слышно произнесла Наташа.

– Меня тогда в числе других ребят выдвинули на конкурс художественной самодеятельности. И там, за кулисами я впервые увидел ее! Девочка была так одинока, так трогательна... Худенькая, хрупкая, как стрекоза. Может быть поэтому мне запомнились ее огромные глаза янтарного цвета. И мне вдруг очень захотелось подарить ей золотую розу, ту

самую, которая приносит настоящую любовь. В тот вечер я шел за ней, боясь приблизиться. Как трусливый воришка выследил, где она живет, и даже узнал номер квартиры. Затем обошел несколько ювелирных магазинов и, наконец, увидел то, что искал: золотое кольцо с миниатюрной розой, а бутон из полированного янтаря – под цвет ее глаз. Теперь оставалось только добыть денег, и я стал работать. Сначала в школе мы сплачивали полы, и нам немного заплатили. Потом с армянами укладывал асфальтовую дорогу. Но денег все не хватало. Потом разгружал на товарной станции вагоны. В общем, накопил я нужную сумму и купил в ювелирном магазине кольцо с розой. Положил в конверт и бросил в ее почтовый ящик. Всё! Надеюсь, девочка получила подарок...

Третий раз зазвонил сотовый телефон. Наташа снова извинялась, успокаивала и просила «еще пять минуточек». Но на этот раз невидимый собеседник был непреклонен. Девушка вздохнула и грустно улыбнулась:

– Теперь пора.

Сергей остановил желтое такси и чмокнул девушку в щеку. Потом она его чмокнула, неумело ткнувшись носом. «Со всем как взрослые», – вздохнул Сергей, посадил девушку в салон и захлопнул дверцу. Наташа попросила водителя секунду подождать. Она открыла сумочку, что-то разыскала там и надела на палец. Затем протянула к Сергею руку.

В рассеянном розовом свете аргонового фонаря блеснуло на безымянном девичьем пальчике кольцо с золотой розой и

янтарем в виде бутона. Машина медленно тронулась, и Сергей долго еще наблюдал как удаляется и тает в сумраке ночи белая тонкая рука, выпростанная из окна.

– Это какое-то чудо, – прошептал он. – Так не бывает. Стрекоза превратилась в прекрасную белую лебедь. Не узнать!..

В защиту абсурда

Летние ночи светлы, а дни быстротечны, как счастливый сон. Толпы отдыхающих направляются к морям и рекам, город заметно пустеет, суета сходит, особенно по выходным. Но именно в эти дни на наших чудаков снисходили мощные волны вдохновения, пригвождая их к мольберту, ноутбуку и блокноту. Как же не брать то, что даром и в дар? Как отказаться от того, что свыше сходит и уносит обратно ввысь? Это ли не расточительство? Это ли не безумие? Примерно так они объясняли девушке ее невольное заточение в студии и многочасовое сидение на жестком кресле. И надо отдать ей должное, юная модель относилась к своей работе уважительно.

Приходила семнадцатилетняя дочь Василия. Маявшийся болями в пояснице художник попросил ее походить по спине:

– Ибо сказано: аще занеможет спина у неблагочестивого художника, да призовет дочь едиnorodную, и да потопчет оная болящую спину отчую босыми стопами во излечение.

– Па, да ведь мне уже не пять лет, как раньше, – прыскала дочь, – да и весу под шестьдесят.

– Да ты что? – поднимал тот брови. – Это уже столько много! И за каждое кило, заметьте, уплачено родительским потом и кровию... А росту сколько?

– Утром метр семьдесят пять, вечером на два меньше.

– Это потому, что растешь не по дням, а по ночам. Ладно, чего там, дави! Что может быть лучше для великовозрастного дитяти, как ни потоптать того, кто запрещал, ругал и наказывал? Так что всем лепо: тебе сатисфакция, мне – лечение.

Процедуры проходили под аккомпанемент визга дочери, хруста костей и благодушное похрюкаивание папы. После чего происходил обычный разговор. Дочь просила деньги, а отец взывал к ее разуму и совести. Кончалось все тоже, как обычно: дочь уносила в кармане брюк нужную сумму денег, а отец еще долго ворчал что-то о временах и нравах, а также вздыхал о внуке, который отомстит родительнице за страдания деда.

Наш поэт вел себя неровно: то возбужденно ходил по студии, размахивая руками, то впадал в ступор, молча сидел в кресле и что-то писал. Однажды он, проводив девушку, пришел таким тихим, что это возмутило сожителей.

– Ты чего это сегодня такой слабоадекватный?

– Понимаешь, Вась, я чувствую, что я её не стою.

– Почему?

– Вы же знаете: я идиот.

– Это верно, – кивнул Боря.

– Нет, я сегодня особенный идиот: прошлой ночью звезды пахли рыбой! А она!.. Наташа – совершенство...

– И это верно.

– Ну, вот...

– А это неверно!

– Почему? – спросил Сергей с надеждой.

– Потому что внешнее человеческое совершенство – это скучно, а смиренный идиотизм – наоборот! Понял?

– Нет, – признался поэт. – Слушай, ты меня совсем запутал. Это какой-то абсурд.

– А вот абсурд – это и есть совершенство, – отчеканил Борис. Но, видя замешательство собеседника, присел на подлокотник кресла, обнял друга и сказал: – А теперь я тебя успокою. У твоей совершенной девушки ноги кривоваты. Сидеть! – ударил он по плечу возмущенного Ромео. И зачистил: – На лбу прыщики, волосы секутся, зубы желтоваты и хронический гайморит. А еще она долго сидеть в одной позе не может. Значит, пониженное давление и вялые сосуды. А это говорит о признаках преждевременного старения. А ты у нас еще – ого-го!

– Знаешь, – неожиданно обмякнув, задумчиво протянул Сергей, – а я за это еще больше её любить стану!

– Люби! – вскрикнул Борис. – И еще больше, и еще крепче! ...Только в депрессняк-то не впадай.

– Ладно, – кивнул Сергей.

– Не слышу!

– Ладно! – громче повторил поэт.

– Обрато не слышу!

– Хо-ро-шо! Всё будет хо-ро-шо! – заорал влюбленный, прыгая по студии на радость друзьям.

Конечно, об этом разговоре девушка никогда не узнает. Есть все же в интерполовых отношениях и подводные течения. Зато узнала Наташа причину Бориной колкости. Оказывается, тот на своем опыте познакомился с таким явлением, как прелесть, и с тех пор воюет с ней не на жизнь, а на смерть. Как сказал Василий, любимая песня Бориса: «Спи, моя прелесть, усни!» О том, что это такое, девушка узнала из дебатов. Выходило, что это вид сумасшествия, когда человек вдруг начинает всех обличать, поучать, возомнив себя неподсудным, как священная индийская корова.

Случилось так, что мужчины увлеклись работой и перестали замечать девушку, кротко сидевшую, боясь шевельнуться. Увы, даже к близости с красивой девушкой можно привыкнуть...

– Что-то ты, брат, много стал молиться, – проскрипел Борис, обращаясь к Сергею. – Смотри, впадешь в прелесть.

– Прелесть бывает не от молитвы, а от самочиния, – возразил тот. – Апостол учил молиться постоянно. А мне есть за что благодарить. У меня сейчас такое вдохновение, такие образы!

– Эта зараза через воображение и приходит, – проворчал Борис. – Поэтому что-либо придумывать опасно. Да и зачем, когда реальная жизнь дает нам столько замечательного, – только смотри и записывай.

– А ты не думаешь, что при этом оцениваешь события, и тогда может случиться ошибка? – вопрошал Василий.

– А ты не доверяй рассудку, – посоветовал Сергей, – это самый неверный инструмент познания. Через него грех пришел. Его в первую очередь поразила меч наказания. Сердце – вот, чему только можно доверять.

– Но именно из сердца исходят все страсти, как учили святые отцы, – возражал Борис. – Это же змеиный питомник!

– Нет, братья и присно сущие с нами сестры, – сказал Василий, – вера, которая просвещает и сердце и разум, не позволит впасть в ошибку.

– Ну, знаешь, – возмутился Борис, – когда Никита Новгородский в киевских пещерах поклонился видению ангельскому, он искренно верил, что это от Бога. Только потом три года в коме лежал. Значит, дело не только в нашей вере...

– Конечно, – кивал Сергей, – смирение – вот, что не позволит человеку считать себя достойным божественного явления. «Я хуже пса смердящего, я недостойн видеть Бога. Его только чистые сердцем узрят!» – так говорит себе смиренный.

– Значит, смиряемся? – подытожил Борис. – Чтобы не дать прелести шанса.

– Во прах, – согласно кивнули остальные.

Девушка во время разговора сидела, не шевелясь, все больше округляя глаза. У нее возникло чувство, будто они говорят на неизвестном языке. Вроде бы и слова говорились по большей части знакомые. Но фразы, которые из них складывались, томили ее ускользающим смыслом.

– Ой, ребята, – воскликнула Наташа, – Какие вы умные!

– Да мы того... этого... как его... лапти... вот чего, – оправдывались те смущенно, как дети пойманные мамой за руку, лезущую в банку с вареньем.

– Э, нет, теперь меня не проведете, – грозила она пальчиком. – Я вас рассекретила.

– Какие там секреты такие! – выпучивали они глаза. – Рази можно чего от кого скрыть, ежели в головешке одна пустота кромешная.

Поняв, что они проговорились, ребята стали усиленно шутить. По старшинству начал художник. Василий обладал удивительным речевым аппаратом: ему удавалось во время разговора одновременно пришепетывать, гундосить, слегка заикаться и проглатывать большую часть звуков, заполняя прорехи мычанием. Это свойство его рассказы превращало во всеобщую потеху. Может быть, поэтому именно ему уступили право исправить ситуацию, вышедшую из-под контроля.

Он смешивал краски на палитре, легко метал мазки на холст и рассказывал.

– Не знаю, Наташенька, как там у вас, на северах, а у нас тут на знойном юге родного города жара встала как-то особенно сильно. Сколько уж раз, обливаясь потом и «тая от любви и от жары» как Нани Брегвадзе, пия квас со льдом, меняя мокрые рубашонки и майчонки, о, сколько тысяч раз вспоминал твое самоотверженное стоическое терпение в перенесении тягот от сидения на пьедестале, от жары и духоты

– и укреплялся твоим примером.

В последние времена будто к нам Сочи переехали. Ага, не только им, тропическим, но и нам, северным хладнокровным народам, дано испытать вышеисчисленные тяготы. Однако, что характерно, живы, хоть, конечно, не всегда и не все.

А еще тут вторую ночь подряд гуляет выпускная современная молодежь в соседней школе – так весь район не спит третьи сутки. Головешка моя стала похожа на нью-йоркскую биржу. Там толкается и прыгает невероятное количество каких-то брокеров-крикунов и делает внутри шурум-бурум. Так и гудит в башке: «хо-ро-шо, всё будет хорошо!..» Меня, к примеру, качает, будто я принял кружку теплой браги из низкосортных ингредиентов. Но... хорошо! Зато когда спадает жара, мне так что-то ладно малюется!

– А со мною вот что происходит, – продолжил подозрительно долго молчавший Борис. – Самое интересное, планирую писать об одном, а мои шаловливые герои все по-своему переиначивают и ведут себя как хотят. Шпана!.. Я им говорю: ребята, успокойтесь, ведите себя прилично! А то ведь в угол поставлю. А они мне: ты нам не указ, мы подчиняемся законам высшего порядка, а не твоему авторитарному произволу. Ну, ладно, эти... виртуальные... А вчера поцапался со своим реальным редактором Гошей. Этот бывший комсомольский активист постоянно мобилизует массы на борьбу с какими-то врагами народа. То у него и-эн-эн какие-то страшенные, то паспорта не такие, то скинхеды, то кавказ-

цы, то парад геев, то лесбиянок. Я его месяцами ищу, а он после сокрушения демонстрации гомиков принялся воевать с неправильным кино. Недавно в Домжуре устроил на круглом столе скандал с побиванием битых-перебитых журналистских морд лица об стол. Я ему: когда моими нетленками займешься? А он: у меня тут вселенная гибнет, ни до тебя... отстань... Я ему: съмей совесть! А он: совести у меня по горло, а время нету! Как жить?.. для кого?.. и зачем? Но... как доложил предыдущий оратор, хо-ро-шо... всё будет хорошо... всё будет хорошо-о-о, я эта зна-а-аю!

Когда девушка с великим трудом сдержалась, чтобы не потерять благообразие лица и не свалиться от хохота с высокого пьедестала, эстафету принял Сергей:

– А я тут намедни продал три стишка в журнал и за полчаса заработал цельную тысячу рублей. И дай, думаю, побалую себя. Чего я всё кого-то, да чего-то... Сел, как порядочный какой буржуин, на автобус и проехал аж целую остановку. Вышел к магазину для очень сильно важных персон и, пройдя через металлоискатель, под истошный вой, взошел на буржуинские высоты. А сам в себе думаю: эге, а я сегодня, ребята, ваш, буржуинский: у меня, вон, в кармане штанов целая тысяча хрустит.

Прихожу в видео-салон и нахожу новый стенд с элитным кино. Рылся там, копался... Отковырял себе сборники самых злостных элитарщиков: Джим Джармуш, братья Коэны, Антониони, Малкович и Паркер. Три вечера, как иди-

от, по несколько часов смотрел и удивлялся, какой дешевой хлам народу втюхивают с ярлыками «знаковое», «культурное»!.. Хоть бы на копейку смысла или какой-нито пользы... Но это ладно.

Принял для харизмы кофейку, посидел у фонтанчика. Поглазел – не скрою – на буржуинских дамочек (кстати, так себе... даром, что шмотки на них дорогие). И потом зашел в книжный (там девочки хоть и в очках, но тоже... с ногами из ушей). Среди прочих набоковых, газдановых и ремарков порылся в серии «Букеровские лауреаты». И снова: порнуха, черная мистика и вопиющая пустота! Вопросы ставят, а в ответ – или ничего или такая чушь! Да, поспрашивал у девочек, что народ читает, и прикупил себе модные новинки. Не скрою, полистал... Я недолюбливаю эти медово-циничные женские романы. Но купил целую пачку и обчитался до икоты, до... вкуса машинного масла во рту. И снова: жуть и разврат и один веселый смех! Нет, хорошо! Так хорошо, что мы ушли из этого мира – это просто счастье!

Кажется, под напором шуточной информации девушка подзабыла о предыдущем разговоре. Чего шутники так серьезно и добивались.

Тут вошел бородатый парень лет двадцати пяти и по очереди троекратно расцеловался с мужчинами, на гостью даже не взглянул. Борис после церемонии прошептал в сторону: «Не этим ли целованием ты меня... помечаешь?» Но вошедший на его слова не обратил внимания, потому что занял в

центре студии ораторское место и провозгласил:

– Все, братья, три шестерки повсюду! Нас метят на заклание всех до одного.

– Так уж и всех, Игорек? – улыбнулся иронично Василий.

– Пока шел к вам, не меньше ста масонских символов разглядел.

– Как говорит пословица: «Ищущий везде символы найдет», не правда ли?

– К продуктам со штрих-кодами прикасаться нельзя!

– А мы их вилками едим, руками не трогаем.

– Здорово придумали. Я тоже так буду.

– А вилка есть? А то мы поделиться можем.

– Дома есть! Кажется... А у вас, братья, новые паспорта?

– А кто бы нам позволил со старыми по улице ходить?

– А вы их в микроволновке пропарили? Продвинутые люди говорят, что если не пропарить, то излучения из космоса зомбируют.

– А как же, – воскликнул Борис, – пропарили! Аж по двенадцать раз. И знаешь, сразу зомбирование резко ослабло.

– А я только раз... – сокрушенно вздохнул Игорь.

– Да вон в углу наша печка – можешь поупражняться.

– А почему вас на заседании антиглобалистов не было?

– Ты что не видел трех мексиканцев в бордовых сомбре-ро? Конспирация, батенька, и еще раз конспирация.

– А!.. Мне тоже надо научиться грим накладывать, а то что-то в последнее время постоянно слезку за собой заме-

чаю.

– Так ведь чему удивляться? Ты же масонам жить спокойно не даешь. Они, бедные, тебя уже внесли в списки первых своих врагов. И разными излучениями и знаками сживают тебя со свету.

– Я тоже так думаю, – вздохнул Игорь. – Всюду враги!

– А больше всего их под подушкой, когда спишь. Стоит заснуть – так и прыгают по голове, так и впиваются, гниды зеленые.

– Да я уже и так в ленте с молитвой сплю.

– И как, помогает?

– Да! Конечно! Благодать меньше уходит. А как забуду перед сном надеть, так просыпаюсь вовсе без благодати. Такой... будто голый...

– Ты уж поосторожней, Игорек, – сказал Василий. – А то выйдешь голым на улицу, могут и в милицию забрать.

– Что вы, мне туда никак нельзя. Они же все бесноватые! Тут один как пристал на улице: чего, мол, стоишь тут два часа? Сейчас, мол, в тюрьму заберу и бить-мучить буду.

– А чего ты там два часа стоял?

– Так это... людей раззомбирова.

– Как это?

– Смотрю на людей – а они все с мутными глазами идут. А на лбах у всех три шестерки... так и горят красным! Встал я тогда на перекрестке и стал молитву читать: «Они нас зомбируют, а вы не давайте!»

– Мудрая молитва! Ай, какая сильная! – изумился Борис. – Напиши слова, я ее обязательно выучу... месяца за два.

– Ой, бдите, братья, и бодрствуйте! – на прощанье воскликнул Игорь. – Всюду враги! Так и сживают со свету! Так и хоронят заживо!

Когда парень после церемонии прощания покинул помещение, в воздухе остался неприятный запах. Вася понюхал и проворчал:

– Серой пахнет. Как в преисподней.

– А может, дезодорантом?.. – предложила Наташа.

– Нет, сестричка, только крещенской водой, – сказал он и с помощью новой маховой кисти окропил студию водой из бутылочки с крестом. Сразу посвежело.

– А что это было? – испуганно спросила девушка.

– Это, Наташа, заходила к нам воплощенная пре-е-елесь! – сказал Борис. – Страшная такая!

– Так вот почему вы шутите! Вы на этого парня не хотите быть похожими?

– Не хотим, Наташенька, – кивнул Вася, – ох, как не хотим. Ты заметила, у парня напрочь отсутствует чувство юмора? А это первый признак: ты в беде! Иди и лечись!.. Ну, как с такими говорить? Нормальной логики они не воспринимают, Евангелие и святых отцов перевирают и толкуют так, что уши вянут. Когда с ними общаешься, – одна мысль в голове: как бы самому не свихнуться. Вот и выставляешь щит из

собственного юродства. А как еще?..

Однако, потехе час! В проеме двери появилась странная фигура в драповом пальто с хозяйственной сумкой в грязной руке. Вид незнакомца подозрительно напоминал субъекта, описанного Борей в его «эссе-с»... Однако, все эти обстоятельства нимало не смущали ни вошедшего, ни троих жильцов. Они встали и вышли к нему, встречая, как важного гостя.

– Димитрий Евгеньевич, давненько вы нас не баловали своим посещением, – произнес Борис и... о, ужас!.. обнял бомжа.

– А чего вас, оглоедов, баловать-то, – проворчал доходяга скрипучим голосом, – чай не важные какие, а так... мазины-писаки шалопутные. Да буде лапать-то, давай по делу. Наливай!

Василий вприпрыжку бросился к бару и откуда-то снизу извлек матовую пузатую бутылку с золотой наклейкой. Из холодильника достал салями и банку с крабовым салатом. Все это с хрустальным бокалом и серебряной вилкой поместил на поднос и торжественно с полупоклоном поднес бомжу. Тот уселся прямо на пол и снисходительно ждал угощение как должное.

– Откуда идете и куда путь держите, добрый странник? – спросил Сергей.

– Да ведь мы чего, – протянул тот, степенно выпивая и

закусывая, обходясь при этом без бокала и вилки. – Нам куда велено, туда и шастаем. Ныне с Кавказу. На Новом Афоне в пещерах весновал, а как залетило, так через вас на севера попёхал.

– Мне все-таки неясно, – сказал Борис, – как вам удастся без документов границу пересекать?

– А мы никаких границ не знаем, – задумчиво протянул тот, солидно сморкаясь в салфетку. – Идешь себе, лапти плетешь помаленьку и все тут. Ну, это... лес видел, море тоже было, горы, помнится... Небо, конечно... А границ... нет, детынька, не видывал. Прости...

– А здесь, в городе как? – не унимался Борис. – У нас же проверка паспортов на каждом шагу.

– Каких еще паспортов? Сроду у нас не проверяли. Мы люди темные, нас которые светлые не видят. Мы так ходим... Во мраке грехов своих. – Он обернулся к Сергею: – Ты вот что, Серёнь, девоньку-то приведи.

– Какую... девоньку? – опешил Сергей, поглядывая на Наташу. – Откуда? И зачем?

– Что переполошился? – Улыбнулся странник. – Нехорошее подумал? Убогая тут ко мне пристала. Гнал ее от себя, а она, как приклеенная, – не отстает. Ну думаю, значит, Господь судил мне с ней таскаться.

Сергей сходил на улицу и привел оттуда за руку девочку лет двенадцати, замотанную по самые глаза в платок. На ней болталось платье с чужого плеча. На ногах белели старенькие

кроссовки размера на два больше ноги. В руках она держала хозяйственную сумку. Увидев сидящего на полу старика, она вырвалась, сбежала вниз по лестнице и села рядом с ним. Рукой вцепилась в рукав вожатого.

– Вот так всю дорогу, – вздохнул странник. – Вцепится и не отходит.

Наташа подошла и погладила девочку по плечу. Положила ей в тарелку салата, протянула большую грушу. Налила чаю. Девочка, не поднимая глаз, взяла. И только после стариковского «можно, кушай» набросилась на еду.

Когда им собрали небольшой сверток с одеждой и консервами, странник с девочкой ушли в какую-то ночлежку. Наташа, как только те удалились, стала спрашивать:

– А почему вы его по имени-отчеству?

– О, Дмитрий Евгеньевич пожилой уважаемый человек.

– Уважаемый? А чего же тогда такой... неаккуратный?

– А ты сейчас запах неприятный чувствуешь? Как после Игоря?

– Нет... – прошептала Наташа.

– То-то же! Старик с прелестью борется, – вздохнул о своем больном Борис. – Он, видишь ли, доктор наук, профессор университета, философ. Но вот однажды понял, что нет истины в науках мирских и ушел из дома по Руси странствовать. Чтобы в тяготах и скорбях принимать позор и смирать гордыню ума. Раньше-то он в фаворе был и через это от гордости страдал. А сейчас подвизается, проходит искушения.

– А почему он вас это... смирял?

– Имеет право!.. По табели о рангах. Наверное, он в нас он разглядел высокоумие, вот легонько и подправил.

– А как он понял, что в науке нет истины? – не унималась девушка. – Должна же быть причина.

– Конечно, Наташенька, – кивнул задумчивый Борис, – причина случилась такая, что... мало не покажется. Дмитрий Евгеньевич побывал... на том свете. Причем не абы где, а в геенне огненной. По сути, ему показали то место, в которое он должен был отойти после смерти, если не покается, конечно.

– Страшно-то как! – прошептала девушка.

– Страшно, милая девушка, попасть туда навечно, а такое предупреждение – это великое счастье! Да... опалённый геенной... – Борис говорил все медленней и глуше. – Представляешь, как человек, взглянувший на адовы мучения, смотрит на земную жизнь? Это ведь просто так не проходит, это меняет точку зрения так, что!.. Опалённый геенским огнем... какой глубокий таинственный смысл...

Борис схватил амбарную книгу, открыл и стал торопливо писать. Иногда он отрывался от бумаги, поднимал глаза к бирюзовому потолку и шепотом произносил «опалённый огнем». Снова писал и шептал... Потом встал и вышел из студии.

Вернулся он на рассвете грязный, помятый, с синяком под глазом. Молча умылся, проворчал: «я не хочу об этом гово-

ритель» и сразу лег спать. Василий вздохнул:

– Понятно: писатель узнаёт жизнь не понаслышке. А это в наше время чревато...

Единственное, что проспавшийся Борис сказал на дружеском допросе, это две фразы. Первая: «Жизнь идет к завершению: мне уступили место в трамвае!», и вторая: «...И эта собака, пробегая мимо, как-то подозрительно глянула на меня!» – всё! Молчок!.. Остальное – читайте в его романе «Путь проходимца».

Зато появление Наташи вызвало у Бориса целую волну ностальгии. Безуспешно прикрывая синяк под заплывшим глазом, он подался в страну воспоминаний.

Борис: из южных воспоминаний

Познакомились мы с Васей на юге. Он проводил отпуск после первой крупной ссоры с женой. Он тогда уже обрел веру и стал посещать церковь. Как это часто бывает в подобных случаях, супруга объявила его психом. Вася, конечно, переживал. Любовь, сами понимаете, уточенная душа художника – и вдруг предательство самого близкого человека...

Я же там бичевал все лето после второго развода, поэтому был веселым и загорелым. Вася отпускные почти все оставил в ближайшей шашлычной, где топил грусть в красном вине, изливая боль души повару Гоги, который умел внимательно и сочувственно слушать. Мало что при этом понимая... Впрочем, Васе нужно было не понимание, а сочувствие. Гоги умел чувствовать и сопереживать. Поэтому его шашлычная так и преуспевала. Стояла на отшибе, а постояльцев там – больше, чем кошек приبلудных.

Работал я художественным руководителем в богатом санатории. Стол и проживание у меня были бесплатными, а заработок с халтурками давали материальную свободу. Помнится, стою на перекрестке под пальмой и тщательно прислушиваюсь к себе: чем бы себя побаловать сегодня вечером? Решил ударить по шашлычку. Захожу в шашлычную, смотрю расстроенный мужчина рассказывает Гоги про горести любви, а тот жарит мясо и ему усиленно сочувствует, выпучивая

глаза и энергично сотрясая головой. А у меня ж опыт! Шутка ли сказать: двадцать серьезных любовей, триста мелких влюбленностей и два счастливых брака с разводом за плечами. Не сразу, конечно, но все же удалось мне вставить слово в поток Васиных излияний – и он подсел за мой стол.

Слушал я Васю, проникался уважением и понимал, что мой богатый опыт в его случае бессилен. То, что он мне рассказал, стало для меня новостью. Жена его практически предала, а он ее оправдывает и укоряет лишь себя одного. Ну, не типично это!.. Потом только он сказал, что крестился и стал ходить в церковь. Я-то, конечно, стал ему свои претензии к Богу и Церкви высказывать. Чего это, мол, твой Бог так много зла развел на земле? Ну, и все такое прочее... Он же мне обстоятельно и с уважением отвечал. Вижу, у человека вера не только в голове, в мозговых извилинах вращается, но еще глубже прошла – в самое сердце. Много я на него, помнится, богохульства выплеснул, а Вася только улыбался по-отечески. Как там у Евтушенки... что-то вроде, «давайте, мальчишки, давайте... сжимая кулачонки потные...» И мы, мол, тоже бывало слюнками брызгали в этих спорах и так далее. Понял я тогда, что ему все мои претензии знакомы. Сам по тому же пути шел и о те же камни спотыкался.

В общем, поверил я Василию. Закончились наш дебаты тем, что я крестился. У моего крестного отца между тем отпуск закончился, и он уехал домой, а я остался. Смотрю: жизнь начинаю по-новому. Ну да, встаю затемно и в церковь

на службы езжу на автобусе рано утром, книги церковные накупил, читаю... Помню, вот это чувство счастья, которое носил в себе... Но что меня удивило – стал я к людям относиться по-другому: я их любил! Добрых, злых, молодых, старых, черных, белых – всех будто увидел другими глазами. Конечно, были там у меня и приятели и знакомые, недруги и даже враги. А тут смотрю: всех люблю, и ни зла, ни обиды нет ни на кого. Это было так здорово!

Прихожу к Гоги в шашлычную и делюсь с ним. А он сказал, что есть у него друг, армянин, с которым он года два, как в ссоре. И хотелось бы ему помириться с ним, да гордость не дает первым подойти. Я говорю, давай вместе сходим. Чувствую, что смогу вас примирить. Гоги взял кастрюлю сациви, бутылку вина и пошли мы к Рубику домой. Поднимаемся в гору, заходим в частный дом и видим: за столом под виноградным навесом сидят армянин с адыгейцем и тревожно так разборку учиняют.

Мы с Гоги садимся, я с ними знакомлюсь. Жена Рубика обрадовалась, тарелки к столу приносит. Я тост произнес за мир и дружбу. Говорил, а сам смотрел сквозь виноградные заросли на сверкающее море и думал про себя, как тут хорошо: море, горы, цветы, парки, вино... И люди такие гостеприимные и добрые. Видимо, это мое настроение передалось окружающим. Смотрю: через час за столом пошла такая красивая дружба... Тут жена Рубика к нам подседа, потом за адыгейцем Русланом супруга пришла и тоже подседа.

Потом трое соседей на песни застольные заглянули. Потом отдыхающие со своим вином и закусками... Я же разговариваю, песни пою, а про себя прошу Спасителя, чтобы Он сдружил нас и все распри наши в дым превратил. А море из-за виноградных листьев мне как будто улыбается. Птицы над нами летают и песни звонкие поют. Да глубокой ночи мы вселились. И потом такими друзьям стали – не разлей вода! Жена Рубика Аня мне на ухо сказала: это вас с Гоги Бог привел, ведь Рубик с Русланом были готовы за ножи схватиться – так разозлились. А тут оказалось, что все разногласия можно решить мирно, по-братски, по-соседски.

Потом до самого отъезда меня по гостям растаскивали. Ко мне в санаторий даже начальник милиции приходил и благодарил. Сказал, что я всех врагов помирил, и народ поселковый успокоился. Вот такое чудо мне тогда Вася устроил.

Отъезд с наездом

Однако, Валентин пропал. Не заходил и не звонил. Секретарь всем отвечала, что уехал в отпуск. Но он перед отъездом всегда появлялся в студии, заботливо наполнял холодильник, выплачивал сторожевые... А тут пропал с концами. И ни слуху, ни духу...

Но это еще не все. Перестала приходить Наташа. Сергей не находил себе места, ругал себя, что не удосужился взять телефон. Понадеялся на то, что она всегда тут, рядом, под рукой. Куда, мол, денется? А вот, поди ж ты, делась...

Борис оба этих исчезновения дидактически связал вместе, припоминая, что они давно знакомы как люди одного круга. Куда, мол, нам, беспортошным, до них, хозяев жизни! Также вспомнил, что несколько раз они обменивались весьма многозначительными взглядами. А Наташа вроде бы даже при этом глубоко вздыхала. Такие размышления вслух, конечно, не поднимали настроения Сергею и, случалось, в Бориса летели шлепанцы. Только что неопознанный летающий объект для настоящего писателя, который практически познал, что такое летящий в собственное лицо реальный кулак.

...Сначала появился грубоватый лысый парень с мясистым телом и на повышенных тонах хрипло кричал, что если ему не скажут, где скрывается Валентин, он тут все разнесет.

– Как ты думаешь, Вась, какова причина нервозности это-

го юноши? – спросил Сергей, не обращая внимания на вопли бандита.

– Полагаю, в младенчестве его часто ставили в угол. Мальчик затаил обиду, которая теперь проявляется таким неприличным образом.

– Вы чего там парите, лохи? – хрипел пришелец. – Да я вас на фарш порублю!

– Кто ж тебе позволит, сынок?.. – вздохнул Борис. – Нет, господа, тут дело скорей или в нехватке витаминов, или женской ласки. Слабые мужчины всегда нуждаются в подобных вещах.

– Ты чего меня провоцируешь?! – вопил бандит, размахивая руками. – Да я вам тут шас разгром устрою!

– Да брось ты переживать, – сказал Василий, наливая из пузатой бутылки в бокал. – Иди лучше успокоительное прими. Марочное...

Бандит залпом выпил коньяк, грузно сел за стойку бара и впрямь успокоился. Василий подсел на соседний стул и заговорил с ним по-отечески мягко.

Вторым искал Валентина молодой участковый Ищенко. За его усталыми плечами легко угадывалась мощная костедробильная государственная машина.

– Непорядок! – возмутился он. – Почему у вас тут проживают граждане без регистрации по данному адресу? Где хозяин?

– Наш Валентин – свободный человек в свободной стране.

Он тоже имеет право отдохнуть недельку. Вы, господин старший лейтенант, будете вторым в очереди. Первый – вон тот тревожный мужчина из организованной преступной группировки. А вот и следующие, – указал Борис в сторону лестницы, по которой спускались потрепанный пожарный инспектор под ручку с молоденькой врачихой санэпидстанции. Закрыл шествие хмурый офицер налоговой полиции в состоянии сильного недопития. – Надо же, сколько людей кормит из своих рук наш добрый хозяин! Право же, это достойно уважения.

Налив каждому успокоительного и обласкав добрым словом, Василий проводил делегацию профессиональных вымогателей до дверей и глубоко вздохнул:

– Если Валентин до конца недели не объявится, придется расходиться по домам.

– Ничего, найдется, – кивнул неуверенно Борис. Затем взглянул на поэта и добавил: – Оба найдутся...

Через неделю кончились запасы в холодильнике. Из денег осталась одна мелочь. Ребята сначала загрустили. И тут Сергей хлопнул себя по лбу и сказал:

– Слушайте, братья, что нам с вами Спаситель обещал? Если двое-трое помолятся во имя Мое – все, что просите, дам вам. А давайте и мы помолимся.

Они зажгли лампаду и встали на молитву.

– Господи, не оставь нас без куска хлеба, – произнес

Сергей. – Ты, обещавший троим молящимся выполнить их просьбу, выполни эту нашу просьбу: дай нам хлеба насущного. Слава Тебе, Боже, за всё: и за обилие, и за недостаток!

Борис с сомнением покачал головой и сел за свой ноутбук. Василий вздохнул: «О, немощи наши земнородные!» – и встал к мольберту. Сергей улыбнулся чему-то своему и тоже сел в кресло. Часа три они работали, пытаясь не обращать внимания на урчание в животах.

...Первым вошел в студию мужчина в спецовке и протянул Васе три тысячи рублей:

– Прости, Василий, задержался я с отдачей долга. А тут еду мимо, и так от стыда под ложечкой заныло. Что же это я, думаю, хорошего человека подвожу. Возьми и прости!

– Постой, брат, – проворчал Вася недоуменно, – а ты меня ни с кем не спутал? Мы что, знакомы?

– А ты не помнишь? Я тут как-то проходил, а ты стоял в дверях. Я был без гроша и с похмелья... Ну и на удачу попросил у тебя денег. Ты дал. Я выпил только бутылку пива, больше не смог, а остальное домой бабе снес. Всё. Спасибо тебе.

Вася обнял парня, бросил через плечо: «Я в магазин!» и вышел. Через полчаса он внес в студию два пакета с едой.

Вторым вошел почтальон и вручил Борису квитанцию на телеграфный перевод на сумму три тысячи рублей. Борис сбегал на почту, получил перевод и принес домой сумку с продуктами и бутылками.

Третьим забежал Кирилл и протянул Сергею три тысячерублевые купюры. И тоже просил прощения за то, что задержал отдачу долга.

...А потом... вошла она! Наташа сияла и, казалось, не ступала ногами, а плыла по воздуху. Сергей встал и вышел навстречу с протянутыми руками. Что за чудо, эти влюбленные! Они порывисты, но смущаются от каждого стороннего взора. Никто не увидит их целующимися или идущими в обнимку, потому что настоящая любовь застенчива. Вокруг этих детей любви сияют радуги, поют птицы, улыбаются дети и старики. От любящих сердец исходят мощные волны светлого тепла. И как, наверное, грустно было бы жить на этой печальной земле, если бы ни эти сердца, исполненные светом чистой... да – незамутненной, чистой, настоящей – любви!

Только что это? Следом за девушкой солидно шагал статный старик в дорогом темно-синем костюме...

– Знакомьтесь, друзья, это мой папа, – сказала Наташа, не скрывая улыбки. – Папа, это Сережа, Борис и Васенька.

– Борис, – протянул первым руку прозаик, – убежденный пацифист.

– Генерал Ракитин, – отчеканил мужчина, пригладив мощной пятерней густые седые волосы, – Иван Андреевич. Профессиональный пацифист.

– Ваше превосходительство... – проямлил Сергей, отодвигая Бориса плечом и покрываясь розовыми пятнами. По-

том прокашлялся и сказал: – Милости просим! Сегодня у нас день полочки и чудес. Давайте это слегка отметим.

– Мне дочка много о вас рассказывала, – сказал отец. – Вот я и решил с вами познакомиться. – Потом повернулся к Наташе и прошептал на ухо: – Помнится, великий Александр Македонский в личную охрану отбирал только солдат, не потерявших способности краснеть. У твоего избранника, доченька, с этим, кажется, все нормально.

– Давайте, Иван Андреевич, выпьем за знакомство, – предложил Борис.

– Слушайте, друзья, а вы часом не того?.. Алкоголизмом не страдаете? – бдительно поинтересовался генерал, суровым прищуром обводя общество.

– Нет, ваше превосходительство, у нас другая проблема: кушать очень хочется. Мы тут три дня почти ничего не ели, – пожаловался Борис, спешно нарезая бутерброды.

– А это почему?

– Обычное дело, – терпеливо пояснил прозаик, не без труда скрывая ироничную улыбку, – деньги пропили, а на еду ничего не осталось.

– Папа, не обращай внимания, – вступила Наташа, погладив ладошкой предплечье отца. – Я же тебе говорила: они любят пошутить. Нормальные ребята! – и тоже приступила к приготовлению обеда. Они с Сергеем увлеклись беседой, больше похожей на голубиное воркование – и от внешнего мира отключились напрочь.

Василий как бы невзначай смахнул льянные покрывала с двух картин. Генерал подошел поближе и в восхищении замер. С одного портрета, таинственно улыбаясь, взирала плечистая полная дама в легких прозрачных одеждах, отдаленно напоминающая хрупкую Наташу. На другом полотне в центре композиции сияла своей виновато-смущенной улыбкой дочь генерала в синем платье до пят. Спереди у правого подлокотника ее кресла замерла девочка, как две капли похожая на нее. А сзади из теплого сумрака выступала дама средних лет с ухоженным лицом и ранней сединой в красиво уложенных волосах. Эти трое походили на мать, дочь и внучку.

– Первый портрет на экспорт, поэтому лишь слегка похож на оригинал, пояснил художник. – В Европе, знаете ли, вкус эдакий, сугубо телесный. Ну, а вторая композиция – это Наташенька в трех временных фазах: прошлое – настоящее – будущее. Здесь, как видите, Иван Андреевич, все по-русски: душа на первом и единственном плане.

– Поразительно, – сказал отец, разглядывая то одну картину, то другую; то приближаясь, то удаляясь на два-три шага. – Вот так, живешь с девочкой под одной крышей и не подозреваешь, как она красива. Дочка, да ты у меня принцесса!

– Кто бы сомневался, – кивнули остальные.

...И тут вернулся из магазина Кирилл. В руках он держал две бутылки вина. Генерал взмахнул бровями и глубоко вздохнул. Василий решил успокоить отца и с позволения

Кирилла рассказал его историю.

Василий: два брата

На границе Чечни и Ставрополя стояла казацкая станица. Жил там один бравый казак. Как-то поехал он на рынок, да влюбился там в девушку из соседнего чеченского села. Три года упрашивал ее родню отдать девушку замуж – ни в какую! Тогда выкрал он ее и уехал с ней в горы. Казак на руках носил возлюбленную, был с ней ласковым и добрым. Гордая чеченка полюбила казака. Через год родились у них два сына-близнеца. Чеченские родичи выследили беглецов. Дождались они, когда отец с одним из сыновей уехал в больницу, выкрали женщину с другим сыном и увезли их к себе. Вернулся отец с годовалым сыном на руках и узнал о пропаже любимой жены. Оставил сына матери, а сам поехал искать жену. Оттуда он не вернулся. Видимо, его убили.

Узнав о смерти сына, бабушка испугалась за внука, спешно продала богатый дом и переехала подальше от Чечни – в Рязанскую область. Потом колхоз, в котором она работала, разорился. Кирилл подрос и поехал в Москву на заработки. Здесь он открыл свою сапожную мастерскую.

Познакомились мы с Кирюшей в храме. Он как-то сразу расположил к себе простотой и открытостью. Так мы подружились. А однажды шли вместе со службы, а к нему подошел старый чеченец в папахе. Обратился к Кириллу на своем языке, тот ответил. Они о чем-то поспорили и старик,

рассерженный, ушел. Мы-то и не думали, что он горец. Да вы посмотрите на него: русоволосый, глаза серо-голубые, говорит без акцента... Крещеный в православной церкви. Тогда он и рассказал нам свою историю. Мы за скорби его еще больше полюбили.

И вот однажды прибегает к нам женщина, что работает на приемке в сапожной мастерской. Испуганная такая! Кричит с порога: «Брат к Кириллу приехал. Бандит на черной машине!» Сходили мы в мастерскую, постучали – не открывают. У подъезда – БМВ с тонированными стеклами. И тишина... Что тут сделаешь? Пошли мы в храм, заказали молебен Иверской Богородице и помолились, как могли. Обзвонили еще нескольких прихожан и просили молиться за Кирилла со родичем. Двое суток братья сидели взаперти, не выходили. А на третий день заходит к нам Кирилл, как ни в чем не бывало, и говорит: «Брат меня нашел! А я – его. Завтра крестить Рустама будем».

Продал новокрещенный Роман свой черный катафалк, и стали они вместе с Кириллом в его сапожной мастерской работать.

– А что, неплохо работает, – сказал Кирилл. – И набойки ставит и прошивать научился.

– Неужели с бандой своей не общается? – спросил генерал. – Да неужто оттуда просто так отпускают?

– Отпустили, – кивнул Кирилл. – Только «не просто так», а по молитвам вот этих моих братьев и всего нашего прихо-

да. Мы для бандитов перестали существовать. Ну, будто, на другую планету улетели, или в другое измерение перешли... А Роман стал настоящим исихастом. Мы с ним теперь вместе Иисусову молитву творим. Хотите, господин генерал, можем зайти к нам в гости. Правда, у нас там беднота. Вместе телевизора окно во двор, а вместо диванов и кроватей – лавки деревянные. Но мы с братом нашу мастерскую ни на какие хоромы не променяем.

– Да, ребята, – почесал затылок генерал, – вижу теперь, у вас тут всё по-серьёзному. Не только шутите!

– Ну, почему! И шутим тоже, – улыбнулся Кирилл. – Знаете, я ведь стал жить церковной жизнью здесь, в Москве. В Рязанской области мы с бабушкой только на Пасху да на Рождество в храм ходили свечку поставить. А тут я стал причащаться на праздники, поститься... Ну, как это бывает у неофитов, стал считать себя великим христианином. Приехал в деревню и давай учить бабушку уму-разуму. Послушала она меня и сказала: «Плохой ты стал! Злой какой-то». Как же так, думаю, грешить я перестал, в церковь постоянно хожу... Что же не так? Тут меня эти трое и вразумили. Нечего, сказали, из себя апостола строить, живи проще и веселей. Я у них в этой студии душой и отогрелся. Здесь хорошо!

Шерше ля фам

Сначала заскучал Борис. Несколько часов понуро сидел перед монитором ноутбука и молчал. Взглянув на часы, поднялся и молча вышел на улицу. Появился на следующий вечер, но уже не один. Из-за его плеча выглядывала невысокая женщина, скромно одетая и застенчивая. Борис усадил даму в кресло, а сам, шагая по студии и размахивая руками, приступил к рассказу.

– Все началось с появления в нашей холостяцкой берлоге Наташи. Сережина невеста убедила меня в том, что семейное счастье вполне возможно. Тогда я тоже стал подумывать о своей непутевой холостяцкой жизни. Но вот вопрос: где найти... ту самую? Как отыскать единственную и неповторимую, которая навсегда? Нет, обычные способы «съема» и тривиальных знакомств я сразу отмел, как заведомо провальные. И решил поступить так, как подобает истинному христианину: пошел в храм и пал ниц перед образом Пресвятой Богородицы. Ну, кто, спрашивается, как ни Мать всех униженных и оскорбленных, поймет и поможет самому из всех униженному и всеми глубоко оскорбленному!

– Любо! – воскликнул Вася. – Хотя последнее сомнительно.

– Ну, да! Продолжаю. Горячо помолился и весь разгоряченный вышел на улицу. И вдруг на меня обрушился сначала

ла шквальный ветер, а потом ливень. Пока добежал до своей квартиры, замерз до посинения. Утром просыпаюсь и понимаю, что потерял голос. Нет, братья и сестры, вы представляете, что такое на взлете апостольского служения взять и лишиться мощного бархатного баритона? Меня вообще-то можно представить немым? Вот... Бегу в поликлинику, записываюсь к терапевту и сажусь в очередь. А очередь огромная! И за час из кабинета вышло только двое. И такие счастливые! Я одной такой сиплю, вращая глазами и потрясая кулаками: что, мол, вы себе позволяете; как, мол, вам не стыдно? Здесь же народ! Очередь! А она мне: вот попадете в кабинет, сами поймете. Долго ли, коротко ли, только вошел в кабинет и я. Сел на стул и сиплю, пытаюсь объяснить что потерял голос. И тут врач поднимает на меня глаза, полные искреннего сострадания и говорит... Нет, я не могу!.. Мария, расскажи ты.

– Ну, мы же врачи в первую очередь гуманисты, – сказала женщина, часто моргая некрашеными, но весьма выразительными глазами. – Когда приходит ко мне усталый человек, я вижу, что он себя не бережет, ему некогда, он весь горит на работе. Тогда я выписываю ему витамины и даю больничный: пусть отдохнет и отоспится...

Мария произнесла первые слова, и мужчины почувствовали, как невидимая теплая волна подхватила и повлекла их в далекую сверкающую даль. Мягкий голос обволакивал светлым облаком. По спине – от поясицы к затылку и обратно

– сыпали мурашки. Брови поползли вверх, глаза сами собой закрылись, губы растянулись в блаженной улыбке младенца, для которого жизнь – сплошной медовый месяц: «только небо, только ветер, только радость впереди». Они замерли и не шевелились, боясь прервать эту волшебную песню вечной женственности, обнявшей осиротевшее человечество ласковыми материнскими ладонями, теплыми и пахнущими молоком.

Когда голос женщины внезапно умолк, они, не открывая глаз, по-детски залепетали:

– Не-не-не...

– Еще-еще...

– Да-да-да...

– ...А Боренька такой несчастный, горлышко хрипит... Я из шкафчика достала масло от иконы мученика Пантелеимона и ему на язык капнула. Боря посидел немножко и как-то сразу оттаял. На щеках румянец заиграл, глазки просияли – прямо на глазах больной выздоровел. И голос к нему вернулся. А потом он дождался меня и за руку повел. А я не упиралась. Вот и все...

– Теперь вы всё поняли, – констатировал Борис, первый очнувшийся от опьяняющего голоса античной сирены. – Так же, думаю, вы поймете и то, что я сейчас выйду отсюда с этой милейшей особой и растворюсь в океанской пучине женской нежности, куда так мощно зовет ее голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.